

УДК 94(47).084.8

doi 10.17072/2219-3111-2024-1-148-157

Ссылка для цитирования: *Пянкевич В. Л.* По разные стороны прилавка. Продавцы и покупатели блокадного Ленинграда // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 148–157.

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ПРИЛАВКА. ПРОДАВЦЫ И ПОКУПАТЕЛИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

В. Л. Пянкевич

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

v.pyankevich@spbu.ru

ResearcherID: M-1023-2015

Scopus Author ID: 57200651434

SPIN-код: 3728-3635

Рассматривается проблема взаимоотношений участников государственной торговли и частных товарообменных операций в блокадном Ленинграде. Критическая нехватка продовольствия во время блокады обусловила изменение характера отношений между обычными горожанами с одной стороны и работниками торговли, общественного питания, хранения, транспортировки, распределения продуктов с другой. Предельно истощенных ленинградцев ошеломлял благополучный внешний вид работников прилавка, скупавших и выменивавших за продовольствие золото, драгоценности, меха. Благодеяние этих людей на фоне гибели сотен тысяч определяло крайне враждебное отношение к ним многих горожан. Столь же неприязненно воспринимали блокадники предельно истощенных дистрофиков. Причем к последним относились в конечном итоге хуже, чем к нечистым на руку «продовольственникам». Бросавшееся в глаза неравенство было знаком переоценки людей, жестко разделяя их на сытых и голодных, успешных и неудачников. Это противоречило этическим, идейно-политическим установкам горожан. Одновременно многие блокадники были рады, счастливы, приобретая крохи пищи по фантастически высоким ценам или в обмен на ценности. Двойственное отношение ленинградцев к частной коммерции было связано с ролью, которую эта коммерция играла в судьбе многих, обирая, и одновременно спасая. В качестве источников в статье используются свидетельства военного и блокадного времени: дневники, письма, официальные документы органов государственной власти и управления, правоохранительной системы, а также стенограммы устных свидетельств, собранные вскоре после блокады и войны, интервью и воспоминания горожан более позднего времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, государственная торговля, частная торговля, рынок, голод.

В историографии блокады Ленинграда теме рыночной торговли, натурального обмена, самоснабжения посвящено немного исследований. В значительной мере это связано с устойчивым представлением об отсутствии в осажденном городе какой-либо альтернативы государственной распределительной системе и продовольственным карточкам. В связи с этим обращение к проблеме взаимоотношений участников государственной торговли, частных товарообменных операций представляется важным и актуальным.

«Хорошо живут»

Возникший с самого начала войны ажиотажный спрос, затем колоссальный дефицит продовольствия и наконец голод изменили статус работников магазинов и предприятий общественного питания в восприятии ленинградцев. Появились «хлебные короли: продавцы и кассирши хлебных и продуктовых магазинов и т.д.» (*Жилинский*, 1996, с. 8). Это были те, кто «умудрялся поживиться и обогатиться на людском несчастье – в основном люди, стоявшие у продуктов» (*Андреева*, 1993, с. 17). Жизненно необходимые большинству продуктовые карточки порой были им не нужны. «Из группы лиц, близко стоящих к... котлу с едой, недавно к нам в

клинику поступила женщина, которая, не стесняясь, заявила, что она свои продуктовые карточки отдает, так как ни в чем не нуждается» (Самарин, 2011, с. 78). Эти люди не нуждались и в деньгах. Когда, после означавшей гибель потери продовольственных карточек блокадница обратилась к соседке, работавшей в булочной: «Возьмите сколько хотите денег, но дайте хотя бы одну буханку хлеба, та ответила: “Что я буду делать с твоими деньгами? Стены обклеивать?”» (Добротворская, 2013, с. 76).

Большинство ленинградцев были едины во мнении о людях, процветание которых в условиях общей беды определялось тем, где они работали и чем занимались. «Продавцы хлеба... здорово наживаются. Накупили всего и денег накопили тысячи. ...Хорошо живут повара, зав. столовыми, официанты» (Капранов, 2014, с. 75). «Хорошо живут все представители “торговой сети”, начиная с директоров, завмагов, снабженцев, торговых инспекторов, начальников столовых-баз и т.д. и кончая продавцами и продавщицами в продуктовых, хлебных, столовых» (Владимиров, 2009, с. 110). «Хорошо живут те, кто в столовых, в магазинах, на хлебозаводах работают» (Ленинград в осаде, 1995, с. 436, 437). «Это самая жульническая часть населения: обвешивают, обмеряют, вырезают лишние талоны, тащат домой еду нашу» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 59). В справке начальника УНКВД Ленинградской области отмечалось: «Основной контингент арестованных за спекуляцию и хищения социалистической собственности составляют служащие торгово-снабженческих организаций (торговая сеть, склады, базы, столовые). Главным объектом хищений и спекуляции являются продукты питания и другие нормированные дефицитные товары» (Ленинград в осаде, 1995, с. 442).

Работников прилавка и общественного питания, которых называли «шакалами», «удавами», «блатмейстерами», «трупными мухами», «отъявленными мародерами», «паразитами-спекулянтами, наживающимися на народном бедствии», относительно общего количества ленинградцев было не так много. Однако, резко отличавшиеся от большинства горожан внешне, они часто бросались в глаза. Именно поэтому многим блокадникам представлялось, что таких людей немало. «Шкуродеров развелось последнее время очень много» (Евдокимов, 2021, с. 168). «Имея мешок крупы или муки, можно стать обеспеченным человеком. И подобная сволочь в изобилии расплодилась в вымирающем городе» (Машкова, 2005, с. 36). «Спекулянтов, пользующихся моментом... очень много» (Князев, 2009, с. 515).

Пользуясь разного рода махинациями, недобросовестные работники прилавка действовали решительно, без опаски. «Это делается просто: “по ошибке” вырезают больше положенного, а голодный человек обнаруживает это только дома, когда никому уже ничего доказать нельзя» (Берман, 2021, с. 117). «Вырезали сволочи, кассирша лишний талон на крупу вместо 50 гр. вырезала 62,5 гр. Надо следить – везде подлость и обман. <...> Недовешивают, не докладывают» (Никитин, 2021, с. 75, 147). Самый простой способ – наклеивание отрезанных купонов с карточек на таблицу с некоторым смещением – к концу каждой строки можно было выгадать 2–3 дополнительных пайка [Рупасов, Чистиков, 2014, с. 12]. «Отрезанные талоны после ревизии активируются и сжигаются непосредственно в магазинах. ...Значительная часть их не сжигается, а передается в соседний магазин, где ревизия еще не прошла» (Барташевич, 2011, с. 127). В столовой «идет более крупная игра, составляются акты на порчу, пропажу, усушку, утруску, под видом засыпки в котел идет жуткое самоснабжение» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 59).

«Новая аристократия»

Первой блокадной зимой дистрофические фигуры, лица большинства предельно истощенных ленинградцев резко контрастировали с обликом другой части горожан. «И вдруг навстречу, после сотен людей, изможденных до предела, молчаливых, идущих походкой столетних старцев, появляется толсторылый с лоснящимся от самодовольства и упитанности лицом, с плутоватыми наглыми глазами гражданин. Это какой-либо вор – завмаг, спекулянт-управхоз, накрававший у покойников вверенного ему дома хлебные карточки, получающий по ним килограммы хлеба, обменивающий этот хлеб... на золотые часы, на шелка, на любые ценности» (Лукницкий, 1961, с. 525). «Среди страшных, обреченных людей глаз с особым чувством вылавливает здоровые, цветущие лица. Это, главным образом, “девушки из столовой”, эта

единственная зимой прослойка населения, сохранившая нормальный вид, хотя и без особой чести для себя» (Зеленская, 2010, с. 115). «По краснорожим, цветущим лицам деятелей “торговой сети” можно сказать, что в Ленинграде есть “не голодающие” люди» (Владимиров, 2009, с. 97).

Лица, формы, одеяния «бесящихся с жиру» работников прилавка, с «золотыми часами, кольцами, браслетами на руках», «в камнях», «разодетых в шелка и бархат», «в модных туфлях», озадачивали и возмущали. «Молодые женщины, полные, краснощекие, всегда с непорочными лицами, очень хорошо одетые в дорогие меха – это “работники торговой сети”» (Нератова, 1996, с. 61). «Все официантки, “распорядительницы” и, конечно, больше всего “начальство” («фабрики-кухни) служат примерами счастливой, сытой жизни в наше голодное время. Лица румяные, щеки, губы налитые, а масляные глазки и полнота форм упитанных фигур» (Владимиров, 2009, с. 148). «Работники прилавков... буквально лопаются от толщины» (Нератова, 1996, с. 61). Контраст шокировал, приводил в смятение: «Одни обтрепались, изнасились, обветшали, как платьем, так и телом, другие лоснятся жиром и щеголяют шелковыми тряпками» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 9. Л. 74). «Одни ходят как тени, опухшие от голода, другие – ожиревшие от воровства из чужих желудков. У одних остались глаза, кожа да кости и несколько дней жизни, у других появились целые меблированные квартиры и платяные шкафы полны одеждой. Кому война – кому нажива» (Там же. Л. 74 об.). «Кто не похудел – тот мошенник» (Меттер, 1999, с. 109).

Процветавшие сограждане обрели особый статус. «Те, кто работает в столовой, в магазинах, или на хлебозаводе – сегодня являются своеобразным буржуа. ...Сейчас поварской колпак имеет такое же магическое действие, как корона во время царизма» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 9. Л. 70 об.). Эти люди стали «новой аристократией», «аристократией от плиты» (Там же. Д. 99. Л. 59). Добродетели представителей последней исчерпывались тем, что они продавали или обменивали продовольствие по цене немного более низкой, чем на рынке.

Нувориши гнались за роскошью, которая в их представлении была символом благополучия и успеха. «Лавочники и воры скупают меха и драгоценности» (Левина, 2008, с. 182). «Они... меняют хлеб и другие продукты на золото, на драгоценные камни, меха и другие предметы роскоши» (Нератова, 1996, с. 61). «Навешают комиссионные магазины, оттуда выходят с фарфоровыми вазами, сервизами, с мехами – думают долго прожить» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 9. Л. 74 об.). «Меняли на хлеб не только меха, драгоценности, но картины, старинную мебель, редкий фарфор» (Нератова, 1996, с. 61). «Зав. булочной на краденый хлеб купила любовнику 4 пары золотых часов, 2 швейных машины, 3 патефона» (Левина, 2008, с. 147). Это была жизнь напоказ, в основном женщин, достигших прежде невозможного. «Посмотреть на продавщицу любого магазина, на руке у нее часы золотые. На другой браслет, золотые кольца. Каждая кухарка, работающая в столовой, имеет теперь золото» (Ленинград в осаде, 1995, с. 437). «Когда такая “аристократка” с вами разговаривает, обязательно смотрит на часы, далеко отогнув руку и держа ее на уровне глаз» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99. Л. 59 об.).

О чудесном преображении прежних знакомых блокадники с изумлением писали в дневниках. «До войны ее никто не знал. Она жила вместе с дочерью в маленькой комнате во дворе. Сейчас ее знает весь дом. Ее расположения добиваются, перед ней заискивают, ее дружбы ищут. Секрет ее могущества прост – она работает в пекарне. Могущественная личность – Тоська Раннева, ...из скромной труженицы быстро превратилась в человека с мертвой хваткой. На фоне общей беды и постепенного опустения дома она добилась официального разрешения переселиться из своей темной комнаты в просторную и светлую квартиру... на четвертом этаже по парадной лестнице. А сейчас Тоська обставляется – скупает за продукты приглянувшуюся ей мебель у оставшихся в живых. Действует она широко и напористо, не боясь огласки или осуждения» (Разумовский, 1999, с. 41). Бывшую домработницу Марусю было «не узнать. Со всем не та босоногая неряха, какой я ее знала. На ней беличий жакет, нарядное шелковое платье, дорогой пуховый платок. А ко всему этому – цветущий вид. Словно она приехала с курорта. Никак не похожа на обитательницу голодного, окруженного врагами города. ...Оказывается, она работает на продовольственном складе, заведующий складом в нее влюблен» (Скрябина, 1994, с. 130). «До войны это была истощенная, боль[н]ая, вечно нуждавшаяся

женщина. <...> Теперь, когда столько людей умерло с голоду, Лена расцвела. Это помолодевшая, краснощекая, нарядно и чисто одетая женщина! <...> Она переехала с чердачного помещения во дворе во второй этаж с окнами на линию. ...Ленинградец, наверное, спросит: она работает в столовой или в магазине! Да, Лена работает на базе!» (*Заболотская*, 2008, с. 131). Ленинградца-фронтовика поразила его «веселая, оживленная, даже элегантная... в котиковой манто», «резко выделявшаяся на фоне окружавшего города» одноклассница, которая пошла работать продавцом в булочную (*Савицкий*, 2009, с. 394).

Несмотря на все «преимущества» работы в торговле, продовольственные магазины испытывали дефицит кадров. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что после революции, установившей новую иерархию трудовой деятельности, торговля не только считалась занятием малопочтенным, но обрела статус буржуазного пережитка [*Твердюкова*, 2011, с. 141]. Следствием постоянной нехватки, высокой текучести кадров, обусловленной непрестижностью работы, становилось то, что за прилавком часто трудились малообразованные женщины. В качестве директора на работу в магазины мог устраиваться человек с начальным образованием, просто «грамотный», порой имевший судимость. Неслучайно ленинградца-фронтовика удивляет, что одноклассница пошла работать продавцом в булочную: «В тридцатые годы молодые женщины со средним образованием продавщицами не работали» (*Савицкий*, 2009, с. 395). Именно поэтому некоторые блокадники полагали, что виновниками тяжелого положения с питанием были малообразованные и корыстные «продовольственники». Неприязнь, враждебность к последним проявились в эмоциональных письмах, направленных начальнику отдела торговли Ленгорисполкома: «У Ваших работников торговой сети рожи красные и сытые, как клеймо Каина? И справки не надо, где служит – либо в столовой, либо в булочной, либо в магазине, или очаге! ...Эти бабы – воровки без стыда и чести спасутся, а мы интеллигентки и ученые погибнем» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 92–92 об.). И десятилетия спустя спекуляцию и стремление нажиться на чужой беде блокадники приписывали низкому социальному происхождению лиц, осуществляющих такую торговлю [*Воронина, Утехин*, 2006, с. 246]. Кто-то полагал виноватыми других: «везде в столовые и магазины налезли евреи» (*Капранов*, 2014, с. 75). Подобные антисемитские суждения фиксировались в спецсообщениях Управления НКВД и донесениях немецких спецслужб (*Ломагин*, 2014, с. 145, 146, 219).

Кто были те, «ужасные существа», «презреннейшие», «до крайности неразборчивые в нравственном отношении люди», «подлинное отребье человеческой природы», кого остро и неподдельно ненавидели многие блокадники? Большинство тех, кто на торговых базах, в магазинах, столовых, госпиталях, детских садах и иных организациях занимался хищением продовольствия, составляли женщины, которые не таились, стремясь воспользоваться предоставленными блокадой возможностями и невиданными прежде доходами. Среди более крупных и не столь многочисленных блокадных дельцов, действовавших на рынках, на транспорте, в военных, снабженческих организациях преобладали обычно державшиеся в тени мужчины. Для того чтобы заниматься полукриминальным и абсолютно преступным «бизнесом» среди голода, холода и повседневного горя, необходимо было обладать не столько образованием, сколько известной хозяйственной изворотливостью, особыми морально-нравственными качествами, готовностью к риску, полукриминальным и откровенно преступным действиям.

«Я ненавижу и тех и других»

Нечестные работники торговли, общественного питания во время блокады не только ничего и никого не потеряли, но, напротив, возвысились, разбогатели и ощущали себя хозяевами жизни и нередко действительно были хозяевами чужих жизней. Они, их близкие и даже дети «открыто презирали людей, испытывающих голод» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 157. Оп. 1. Д. 28. Л. 7; *Добротворская*, 2013, с. 77). Продавщица, «вырезавшая по ошибке лишние талоны, воротит нос и говорит: “Вот противный дистрофик!”» (*Кулагин*, 1978, с. 248). «Соседка в коммунальной квартире – повар. ...Как она презирала моих родителей, нищих интеллигентов! Из ее кастрюлек на общей кухне пахло так вкусно» (*Колесова*, 2014, с. 117). «Миловидная сытая официантка» в столовой Союза художников «по каким-то одной ей видимым признакам угадав в закутанной

тени недавнюю красавицу и модницу, с презрением бросает: “Раньше было ваше время, а теперь наше”» (*Траугот*, 2005, с. 116). «Ужасные существа, заведующие магазинами и их помощники. <...> У них не было ни жалости к голодной толпе, ни капли человеколюбия и желания, по возможности, меньше мучить уже и без того замученных холодом и голодом» (*Барينو-ва*, 2012, с. 577). Впрочем, порой даже человеку, далекому от распределения продовольствия могли быть понятны эмоции работников общепита. Так, безусловно порядочная И. Д. Зеленская, начальник планового отдела электростанции, выдавая в столовой дополнительное питание работникам предприятия, свидетельствует о том, что «приходится принимать на себя бури недовольства и протестов полуголодных людей», она «принуждена отталкивать эти человеческие остовы от пищи, отказывать им, выгонять их!» (*Зеленская*, 2010, с. 37, 63). Такое негативизм по отношению к голодным и истощенным был не случаен.

Антитезой исключительно отрицательному «жирному» работнику торговли и общепита была фигура дистрофика. Слова «дистрофия» и «дистрофик», неизвестные большинству ленинградцев до зимы 1941–1942 гг., спустя год после начала блокады «можно услышать всюду, на службе, в очередях, в трамвае» (*Винокуров*, 2004, с. 281). Предельно истощенные люди вовсе не воспринимались положительно. Войдя в бытовой тезаурус, слово «дистрофик» приобрело негативную коннотацию, стало бранным. Нemoщь сломленного, отчаявшегося человека раздражала. Сострадание сменялось отвращением, поскольку сцены распада человека, утратившего чувство достоинства, становились ужасными и непереносимыми [*Яров*, 2010, с. 70, 71]. Выдержавшим тяготы смертного времени не хотелось, казалось несправедливым сострадать тем, кто сдался. Знакомую, имеющую «вид непохороненной покойницы» И. Д. Зеленская отнесла к «сортунуших людей, которые не только сами уже не могут выплыть, но и с собой любого утопят. Почему-то нет у меня к таким жалости» (*Зеленская*, 2010, с. 143). Ленинградец «с негодованием отвергал звание дистрофика» (Там же, с. 97), опасаясь стать «ходячим трупом», с тем чтобы вскоре действительно превратиться в мертвеца. «Сытые голодных не понимали и презирали... называли дистрофиков “морготями” (от слова морг), не испытывая к ним ни сочувствия, ни даже жалости» (*Кондратьева*, 2004, с. 55). Такое отношение было присуще не только сытым. «Дистрофик на дистрофика хуже кричит, чем здоровый на здорового» (*Берхман*, 2014, с. 87). Сама бывшая дистрофиком Вера Базанова пишет: «Многие воруют. А другие... рвут друг у друга тарелки, ходят и сливают воду от супов, готовы украсть карточки у родных, матери, отца. Руки у них трясутся от жадности. ...Я ненавижу и тех, и других» (*Базанова*, 1999, с. 143). Обе полярные фигуры пространства блокады Ленинграда – «жирные» и «дистрофики» – вызвали одинаково негативное отношение и одинаково сильные отрицательные эмоции. По отношению к «жирным» преобладали непримиримость и ненависть. «Дистрофики» вызвали страх и презрение. Причем к первым относились в конечном итоге лучше, чем ко вторым.

«Если этого нет, то – безусловная смерть»

Блокадники ненавидели «жирных» «продовольственников». Однако именно они были главными потребителями вещей и ценностей, предлагавшихся голодными в обмен на продукты. Никакого подобия эквивалентности в этих меновых «операциях» не было и следа, и Военный совет Ленинградского фронта в специальном постановлении расценил эти действия как мародерство (*Новые архивные документы*, 2005, с. 48). «Заведующая магазином, не стесняясь, приходила в дом и за продукты выменивала вещи. ...Причем обмен был жуткий – отдавались дорогие вещи за 1 кг пшена или за буханку черного хлеба» (*Андреева*, 1993, с. 17). «Вчера принесли полкило пшена за 250 р. Даже я поразила наглости спекулянтов, но все же взяла, т.к. положение остается критическим» (*Машикова*, 1995, с. 55).

Частная коммерция осажденного города имела особенности, порожденные спецификой потребностей «владельцев» продуктов. Стоимость вещей, их обменный потенциал зависели от потребительских свойств и нужности в первую очередь работницам прилавка. Именно женщины, занятые хранением, продажей продуктов питания, приготовлением пищи и т.д., часто диктовали условия обмена. «Модные женские вещи – единственное, что можно было обменять: продукты были только у подавальщиц, продавщиц, поварих»» (*Лихачев*, 1999, с. 466). Наиболее

ценными вещами, обменивавшимися на продовольствие, по воспоминаниям многих, были женские наряды и украшения, драгоценности, часы и т.д.» [Гулина и др., 2006, с. 220].

Недобрым словом поминая и проклиная спекулянтов, имевшие средства и вещи для обмена настойчиво искали встречи с людьми, близкими к продовольствию, стремились завязать с ними знакомство. «Сейчас надо иметь знакомство в столовых, тогда еще можно кое-как спастись, если этого нет, то – безусловная смерть» (Фролов, 2000, с. 318). Между тем «владельцев» пищи, которые опасались привлечь к себе внимание, порой трудно было найти. «Мама мучительно страдает кишечником... и как страшно мне видеть и знать, что физически затухает и гаснет самое близкое и любимое, а я не могу ничем помочь. <...> У меня нет ничего, кроме вещей, золота и бриллиантов, с которыми мне нечего делать, ибо нет у меня такого обменного продуктового спекулянта» (Островская, 2006, с. 218).

Блокадники не задумывались или не хотели задумываться о преступном происхождении приобретаемых продуктов. Тревожило не бедственное положение незнакомых, по сути, абстрактных людей, у которых пища была украдена, но смерть близких и собственный мучительный уход из жизни от голода. Участвующие в товарообменных операциях не хотели считать себя преступниками и искали оправдание. Блокадница признается, что умоляла свою бывшую домработницу, работавшую на продовольственном складе, «не забывать нас, предлагала ей любые вещи, какие только могут ее заинтересовать» (Скрябина, 1994, с. 130). «Сейчас, когда я пишу это, то думаю о том, что... умирают тысячи... ежедневно, а какие-то отдельные люди в этих условиях имеют богатейшую выгоду. Правда, во время посещения Маруси мне эти мысли не приходили в голову» (Там же). Покупающая очевидно ворованное масло оправдывалась: «Это может быть неприлично, но голод, искусственно созданный нашими правителями, еще неприличнее» (Шапорина, 2011, с. 274). Сестра – бухгалтер «Ленжиркомбината», как и некоторые другие его работники, наладила бартерный обмен кокосового жира и жмыха на хлеб. «Это было не стяжательством, а борьбой за выживание» (Рысаков, 2011, с. 116). Реакция же на установление деловых отношений с обладателем похищенной пищи была однозначно положительной. «Ну как я за вас рада, значит, и у вас будет своя Лариса, сейчас без Ларисы не прожить... Теперь вы с голоду не умрете» (Шапорина, 2011, с. 358). Семьи тех, кого трудно заподозрить в безнравственности (О. Ф. Берггольц, Д. С. Лихачев, А. Н. Болдырев и др.), постоянно пользовались услугами «своих» спекулянтов (Болдырев, 1998; Лихачев, 1999, с. 505; Машкова, 2005, с. 19; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 32. Л. 89; Д. 109. Л. 37).

Истоки ненависти к блокадным «продовольственникам» состояли в традиционном ментальном неприятии обогащения за счет безвыходного положения ближнего. Бросавшееся в глаза неравенство было знаком переоценки, разделявшей людей на сытых и голодных, успешных и неудачников, «виновных» в своем положении. Это противоречило этическим, идейно-политическим установкам многих горожан, которые не могли принять чуждый и враждебный рынок, его правила и нравы. «Выживают сильнейшие – не физически, не морально, а оснащенные целостностью, ловкостью, гибкостью в сочетании с известной долей беспринципности» (Барташевич, 2011, с. 124). Блокадные «хищники», спекулянты выступали носителями неприемлемого «духа капитализма», наживы, коварными торгашами. «Где же та свобода и то равенство, о котором говорится в конституции. <...> Неужели это в советской стране. Я прямо с ума схожу» (Капранов, 2014, с. 75). Перспективы же утверждения ценностей рынка и превращение людей в постоянных и непререкаемых участников товарообменных операций подчас приводили к нерадостным выводам: «Не получится ли так, что самые честные и преданные погибнут в первую очередь, а те, кому не дорога страна, не дорог наш строй, самые беззастенчивые и бесцеремонные останутся?» (Кулагин, 1978, с. 246). «Остались в живых спекулянты обоего пола и масса воров, мародеров и всяких негодяев, наживающихся на несчастьи осажденных голодающих и обессиленных жителей» (Владимиров, 2009, с. 110). «Самое омерзительное наследие этой войны... – сохранение жизней и улучшение быта людей беспринципных, ловких, цепких и аморальных. Естественный отбор в пользу прохвостов. <...> Это – новый этап морального падения страны. Мерзко! И страшно» (Барташевич, 2011, с. 119).

«Диалектически спекулянты, ...для многих и спасители»

Обмен ценных вещей на крохи продовольствия или покупка пищи по «мародерским» ценам рассматривались как «большая удача», «счастливый случай», «исключительное везение», «страшная радость», «счастье». Пища спасала от смерти, отодвигала мысль о самоубийстве, по сути, давала шанс на жизнь. После обмена со знакомой, сестра которой работала в офицерской столовой, «мама была такой веселой, какой я ее уже много месяцев не видела. Ее совершенно не смущало то, что она отдала свое красивое, сшитое в модном ателье пальто, которое мне очень нравилось, и взяла взамен какой-то старомодный черный плюшевый жакет на вате» (Булина, 2012, с. 188). «Променяла сегодня на хлеб платье и юбку одной столовской официантке. ...Мне посчастливилось» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 89. Л. 11). «Мама ушла в каракулевой шубе, а вернулась радостная в телогрейке» (Булина, 2014, с. 89). «Поменяла пальто мамы на 800 грамм пшена, это спасло нам жизнь» (Гречинова, 1996, с. 34).

Противоречивое отношение ленинградцев к частной блокадной коммерции порождалось ролью, которую она играла в судьбе многих. «Преступно приобретенные продукты расценивались так непомерно высоко, что их могли покупать и покупали люди или уже умиравшие от голода в самом буквальном смысле этого слова, или доведенные длительным голоданием до невменяемого состояния» (Евгеньев-Максимов, 2011, с. 117). Совершенно отрицать значение «мародерской» торговли обычно могли лишь те, у кого были достаточные источники питания или вовсе лишённые такой возможности.

Нечистых на руку работников магазинов, столовых, спекулянтов, блокадникам «хотелось убить», их призывали «гнать», «уничтожать», «расстреливать» (Лукницкий, 1961, с. 525; Молдавский, 1996, с. 363, 364; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 51. Л. 31 об.; Оп. 20. Д. 60. Л. 93, 93 об.). Однако под давлением обстоятельств тот, кто призывал «расстреливать», порой вынужден был согласиться с существованием блокадных коммерсантов, а их деятельность признать необходимой и даже полезной (Лукницкий, 1961, с. 497, 498). «Многие вдруг поняли, что торговля – не только источник наживы и легкого обогащения, ...но что она имеет в себе и гуманное начало. <...> Мародеры и спекулянты... делали благое дело» (Даров, 1964, с. 188). «У нас в доме была голова собаки колли в натуральную величину, настоящий саксонский фарфор. За эту уникальную вещь спекулянтка дала полстакана отрубей. <...> Но – надо быть справедливыми к жизни. Если бы не встретила на нашем пути эта спекулянтка, мы бы, скорее всего, не пережили блокаду» (Светлосанова, 2014, с. 628). «Как ни грустно в этом сознаться, спекулянты все же в конечном результате спасли немалое количество ленинградцев. Спору нет – спасли, обобрав до нитки, но все-таки спасли» (Евгеньев-Максимов, 2011 с. 117). «Диалектически спекулянты, пользующиеся моментом, для многих и “спасители”» (Князев, 2009, с. 515). «Не обращаясь к спекулянтам, многие ленинградцы обрекли бы себя на гибель» (Евгеньев-Максимов, 2011, с. 118). В истории блокады Ленинграда были примеры того, как, стремясь сохранить свои вещи и ценности, человек лишался жизни.

Даже годы спустя получавшие пищу за свои вещи были благодарны своим «спасителям». Да они и сами порой считали себя таковыми. «Мы лишь в редких случаях называли их спекулянтами. ...После войны у нас даже мысли не возникало о том, чтобы потребовать что-то назад – тот же хрусталь, отданный за несколько плиток клея, хотя мы и знали, в чем серванте он теперь стоит» (Крюков, 2005, с. 310). В самое тяжелое, смертное время блокадница «наконец решилась обменять у некой Е. М. золотые часы с браслеткой. <...> Сразу после войны я к ней зачем-то зашла. У нее была ее знакомая и Е. М. сказала: “Эту девушку я спасла от голода”. У нее на пальце было мамино обручальное кольцо и на руке мои часы... И вообще к ней перешли все наши более-менее ценные вещи. Но она действительно за наши вещи давала гораздо больше продуктов, чем мы могли выменять на толкучке – это правда! Спасибо ей за это! Главное, что мы с мамой остались живы» (Кондратьева, 2004, с. 60, 61). Любовник бывшей маминной соученицы «был армейский фуражир. <...> Мама все свои вещи им в итоге отдала. <...> И вдруг эта женщина – вся в маминной одежде – спрашивает у мамы: “Тебе, наверное, неприятно на меня глядеть?” А мама ответила, что готова ей ноги целовать, потому что выжили мы

благодаря ей» (Булина, 2014, с. 89, 90). Впрочем, блокадник не всегда был благодарен тому, кто в тяжелую годину весьма корыстно «помог» (Глинка, 2010, с. 183).

Частная блокадная торговля и обменные операции представляли собой удивительное сочетание фантастически высоких цен и огромной радости обретения пищи по этим ценам. Так и взаимоотношения продавцов и покупателей, сытых и голодных участников блокадного торгового сочетали ненависть и заинтересованность, обмен и обман. Товарообменные операции были не только экономическим явлением, но средством взаимодействия, в ходе которого блокадники обретали надежду на чудо.

Конечно, было и бескорыстие. Выжить помогали соседи, сослуживцы, знакомые и мало-знакомые. Важнейшей стала мера человечности в человеке. «Кругом кипел обман, воровство, спекуляция и цинизм. <...> Островком спасения... были... пусть немногие, но все же, ...встречавшиеся бескорыстные люди. Они были тогда и навсегда останутся... опорой веры в человека, даже в страшных условиях блокады Ленинграда» (Там же, с. 180, 184). Так историк, писатель Владислав Михайлович Глинка, «чудом не умерший от голода», свидетельствует об одном из главных уроков блокады. Выживший называет свое спасение чудом, которое произошло благодаря участию другого человека. Тот, с кем чуда не случилось, погиб.

Список источников

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 9; Д. 32; Д. 51; Д. 89; Д. 99; Д. 109; Оп. 20. Д. 60.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 157. Оп. 1. Д. 28.

Андреева О.Д. Пока я помню – я живу: (Воспоминания оперной певицы). СПб.: Polradis, 1993. 143 с.

Базанова В. Вчера было девять тревог... // Нева. 1999. № 1. С. 123–147.

Баринова М.Н. Судьба бросала меня, как лодочку в океане... (Воспоминания). СПб.: Папирус, 2012. 584 с.

Барташевич А.А. Блокадный дневник // Звезда. 2011. № 6. С. 99–129.

Берман А.Г. Дневник // Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах. М.: Кучково поле, 2021. С. 108–117.

Берхман В.К. Записки оставшейся в живых // Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. СПб.: Лениздат; Команда А, 2014. С. 81–233.

Болдырев А.Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб.: Европейский Дом, 1998. 367 с.

Булина И.Г. Одна зима моего детства // Звезда. 2012. № 2. С. 173–197.

Булина И.Г. Эвакуация, по сути, была из блокады в блокаду // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М.: АСТ, 2014. С. 86–91.

Винокуров А.И. Блокадный дневник учителя // Блокадные дневники и документы. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 239–293.

Владимиров И.А. «Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные заметки 1941–1944 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 184 с.

Глинка В.М. Воспоминания о блокаде. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2010. 414 с.

Гречинова В.В. Воспоминания // Блокадники. Волгоград: Ком. по печати, 1996. С. 33–34.

Даров А.А. Блокада. Нью-Йорк: Rausen Publishers, 1964. 336 с.

Добротворская Е.Я. Интервью // Добротворская К.А. Блокадные девочки. М.: Новое издательство, 2013. С. 69–80.

Евгеньев-Максимов В.Е. Черные дни Ленинграда. Воспоминания // Звезда. 2011. № 2. С. 100–136.

Евдокимов А.Ф. Дневник // Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах. М.: Кучково поле, 2021. С. 164–182.

Жилинский И.И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 3–15.

Заболотская Л.К. Дневник 23 августа 1942 года – 6 июня 1943 года // Человек в блокаде. Новые свидетельства / сост. В.М. Ковальчук (отв. ред.), А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб.: Остров, 2008. С. 126–144.

- Зеленская И.Д. Дневник. 7 июля 1941 г. – 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / сост. В.М. Ковальчук (отв. ред.), А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 10–156.
- Капранов Б. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб.: Лениздат; Команда А, 2014. С. 41–80.
- Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. 1220 с.
- Колесова О.С. Скрипят, скрипят, по Невскому полозья // Каретникова М.С. Тайна силы в немощи: листовая страничка блокадных дневников. СПб.: Библия для всех, 2014. С. 108–118.
- Кондратьева В.И. Перечитывая дневник военного времени // Юровский Е.М. Мы выжили в блокаду! СПб.: Барс, 2004. С. 32–80.
- Крюков А.Н. Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб.: Композитор, 2005. 409 с.
- Кулагин Г.А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л.: Лениздат, 1978. 320 с.
- Левина Э.Г. Дневник 12 января 1942 – 23 июля 1944 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства / сост. В.М. Ковальчук (отв. ред.), А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб.: Остров, 2008. С. 145–213.
- Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.
- Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1999. 608 с.
- Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб.: Аврора-Дизайн, 2014. 360 с.
- Лукницкий П.Н. Ленинград действует... Фронтовой дневник (22 июня 1941 г. – март 1942 г.). М.: Советский писатель, 1961. Кн. 1. 715 с.
- Машкова М.В. Дневник // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945. СПб., 1995. С. 34–146.
- Машкова М.В. Из блокадных записей // Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: дневники, воспоминания, письма, документы. СПб., 2005. С. 14–111.
- Меттер И.М. Избранное. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1999. 254 с.
- Молдавский Д. Страницы о зиме 1941/42 года // Голоса из блокады: ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. СПб.: Наука, 1996. С. 350–387.
- Нератова Р.И. В дни войны: семейная хроника. СПб.: Звезда, 1996. 336 с.
- Никитин И.М. Блокадный дневник. СПб.: Гос. мемориал. музей обороны и блокады Ленинграда, 2021. 242 с.
- Новые архивные документы / сост. и комм. Н.Ю. Черепенина // Нестор. СПб., 2005. № 8. С. 11–56.
- Островская С.К. Блокадные дневники // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 2006. Кн. 10. С. 191–323.
- Разумовский Л.С. Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 8–68.
- Рысаков В. 900 блокадных дней // Войной украденное детство (спешим сказать – пока мы живы): сб. воспоминаний. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 112–132.
- Савицкий В.Д. Воспоминания о XX веке: заметки вольнодумца. СПб.: Мирь, 2009. 830 с.
- Самарин Н.Н. В окруженном Ленинграде (Записки хирурга) // История Петербурга. 2011. № 4. С. 78.
- Светлосанова И.А. Была одна сплошная ночь! // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М.: АСТ, 2014. С. 620–631.
- Скрябина Е.А. Страницы жизни. М.: Прогресс-Академия, 1994. 288 с.
- Траугот А. Квартира № 6 // Ничто не забыто: 320 страниц о 900 днях блокады Ленинграда. СПб.: ДЕТГИЗ-Лицей, 2005. С. 108–163.
- Фролов Н.В. 1–3 февраля 1942 года // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 7. (Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга). СПб.: Акрополь, 2000. С. 304–327.
- Шапорина Л.В. Дневник. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 592 с.

Библиографический список

- Воронина Т., Утехин И. Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования / под ред. М.Б. Лоскутовой. М.: Новое издательство, 2006. С. 239–261.
- Гулина М.А., Цветкова Л.А., Ефимова И.А. Сознательные и бессознательные компоненты психологических последствий травмы военного времени у ленинградских детей, переживших блокаду

и эвакуацию // *Женщина и война: о роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг.: сб. ст.* СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 207–234.

Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Блокадные дневники: катастрофа в реальном времени // *Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской.* СПб.: Лениздат; Команда А, 2014. С. 7–14.

Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. 328 с.

Яров С.В. Одинокие люди в блокадном пространстве // *Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина.* 2010. Т. 4, № 3. С. 69–79.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.07.2023

ON DIFFERENT SIDES OF THE COUNTER. SELLERS AND BUYERS OF BESIEGED Leningrad

V. L. Piankevich

St. Petersburg State University 7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St. Petersburg, Russia;
St. Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya str., 197110,
St. Petersburg, Russia
v.pyankevich@spbu.ru
ResearcherID: M-1023-2015
Scopus Author ID: 57200651434
SPIN: 3728-3635

The article deals with the problem of the relationship between participants in state trade and private barter operations in besieged Leningrad. The critical shortage of food during the blockade led to a change in the nature of relations between ordinary citizens, on the one hand, and workers in trade, public catering, storage, transportation, and distribution of products, on the other. Extremely emaciated Leningraders were stunned by the prosperous appearance of the counter workers, who bought up and exchanged gold, jewelry, and furs for food. The prosperity of these people against the background of the death of hundreds of thousands determined the extremely hostile attitude of many citizens towards them. The blockade survivors treated extremely emaciated dystrophics with the same hostility. Moreover, the latter were ultimately treated worse than the dishonest "food workers". The glaring inequality was a sign of overestimation of people, rigidly dividing them into well-fed and hungry, successful and losers. This was contrary to the ethical, ideological and political attitudes of the townspeople. At the same time, many blockade survivors were happy, happy, acquiring crumbs of food at fantastically high prices or in exchange for valuables. The ambivalent attitude of Leningraders towards private commerce was associated with the role that commerce played in the fate of many, both robbing and saving at the same time. As sources, the article uses evidence of war and blockade times: diaries, letters, official documents of state authorities and administration, law enforcement, as well as verbal transcripts collected shortly after the blockade and war, interviews and memoirs of citizens of a later time.

Key words: Great Patriotic War, Siege of Leningrad, state trade, private trade, market, hunger.

References

- Voronina, T., Utexin, I. (2006), "Reconstruction of Meaning in Interview Analysis: Thematic Dominants and Hidden Controversy", in Loskutova, M.B. (ed.), *Pamyat` o blokade: Svidetel'stva ochevidcev i istoricheskoe soznanie obshhestva* [Memory of the Siege: Eyewitness Accounts and the Historical Consciousness of Society], «Novoe izdatel'stvo», Moscow, Russia, pp. 239–261.
- Gulina, M.A., Czvetkova, L.A., Efimova, I.A. (2006) "Conscious and unconscious components of the psychological consequences of wartime trauma in Leningrad children who survived the blockade and evacuation", in Dzeniskevich A.R. (ed.), *Zhenshhina i vojna: o roli zhenshhin v oborone Leningrada. 1941-1944 gg.* [Woman and war: on the role of women in the defense of Leningrad. 1941-1944], SPbGU, Saint-Petersburg, Russia, pp. 207–234.
- Rupasov, A.I., Chistikov, A.N. (2014) "Blockade Diaries: Real Time Disaster", in *Zapiski ostavshejsya v zhivy`x. Blokadny`e dnevniki Tat'yany` Velikotnoj, Very` Berxman, Iriny` Zelenskoj* [Survivor's Notes. Siege diaries of Tatyana Velikotnaya, Vera Berkhman, Irina Zelenskaya], Izdatel'skaya gruppa «Lenizdat», «Komanda A», Saint-Petersburg, Russia, pp. 7–14.
- Tverd'yukova, E.D. (2011), *Gosudarstvennoe regulirovanie trgovli v SSSR (konecz 1920-x – seredina 1950 gg.): istoriko-pravovoj analiz* [State regulation of trade in the USSR (late 1920s - mid 1950s): historical and legal analysis], SPbGU, Saint-Petersburg, Russia, 328 p.
- Yarov, S.V. (2010), "Lonely people in the blockade space", *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, V.4. № 3. pp. 69–79.